

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ УРАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (середина 1940-х-середина 1960-х годов)

Анализируются модели экономического поведения, векторы и динамика изменений экономических стратегий уральского населения в середине 1940-х – середине 1960-х гг. В историографии выявлены различные экономические стратегии: от борьбы за выживание до частного предпринимательства, от трудовых подвигов до социальных протестов. В статье рассмотрены адаптивные экономические практики (нормативные, предпринимательские, коррупционные) в условиях модернизационного процесса и трансформации мобилизационной системы. До начала 1950-х гг. для большинства населения определяющими были модели выживания. В 1950-е-1960-е гг. ощутимые результаты процесса модернизации на Урале способствовали как росту социального оптимизма, так и поставили вопросы о необходимости трансформации советской экономической модели. Изменения экономических представлений уральского населения происходили в границах официального социально-экономического дискурса, а экономические модели поведения, наряду с нормативными, включали девиантные социальные практики, что свидетельствовало о сложном и неоднородном восприятии людьми экономических реалий советского социализма.

Ключевые слова: *экономические стратегии, модели поведения населения, Урал.*

Социальное пространство любой исторической эпохи наполнено множеством вариаций экономического поведения людей (базисные, нормативные, достижительные, девиантные, асоциальные, антисоциальные, оппортунистические и другие стратегии). Согласно принципам институциональной экономики, многим людям присуще не всегда рациональное поведение и привычка нарушать существующие нормы и правила, действуя в своих (осознаваемых явно или неявно, интересах). Экономические результаты определяются человеческим поведением, зависящим не только от ресурсов, способностей, институтов и рациональных расчетов, но и от культурных ценностей, убеждений и понимания того, что является желательным, что – законным что – допустимым [8. С. 111].

В советской историографии был накоплен значительный эмпирический материал, отражающий преимущественно количественное измерение проблематики экономических стратегий граждан (объемы доходов, промышленного и продовольственного потребления различных категорий советского социума). В русле изучения потребительских стратегий и суждений граждан в советском гуманитарном дискурсе выявлялись трансформации психосоциальных характеристик советского потребителя, произошедшие в период середины 1940-х – конца 1980-х гг.: от преобладания в общественном сознании граждан рациональных моделей потребления и осуждения потребительских девиаций до легитимации материального благосо-

стояния как цели социальной и профессиональной реализации, а также ориентации на индивидуализацию и престижность потребления. В качестве причин произошедших метаморфоз авторами отмечался общий рост уровня жизни советских граждан, сопровождавшийся повышением объема и качества потребляемых товаров и услуг (несмотря на усиливающийся товарный дефицит).

В современной отечественной историографии разрабатываются вопросы уровня жизни населения и специфики его материально-бытового пространства, которое, с одной стороны, детерминирует поведенческие стереотипы граждан, а с другой – само является результатом реализации определенных экономических стратегий. Различные аспекты данной проблематики в контексте исследования качества и уровня жизни различных категорий советского социума на страновом и региональном уровнях освещены в публикациях С. А. Баканова, С. В. Богданова, А. С. Ващук, О. В. Ветошкиной, Н. Ю. Гавриловой, А. Н. Егорова, Е. Ю. Зубковой, Ю. М. Иванова, А. С. Кимерлинг, С. П. Карпова, М. А. Клиновой, В. А. Козлова, Н. Н. Козловой, Н. Б. Лебиной, О. Л. Лейбовича, Е. А. Леонтьевой, В. Н. Мамяченкова, Л. Н. Мартюшова, Н. В. Мельниковой, В. А. Осипова, И. Б. Орлова, Е. А. Осокиной, Р. Н. Сулеймановой, А. В. Сушкова, В. С. Тяжелниковой, Р. А. Хазиева, А. В. Шалака и др. Историографический анализ данной проблематики предпринят Е. А. Игишевой, М. А. Клиновой, А. В. Трофимовым [8. С. 7–13].

На страницах современных отечественных изданий ментально-деятельностное пространство советских граждан представляет собой мозаичную картину различных суждений и порой взаимоисключающих стратегий поведения: от борьбы за выживание до частного предпринимательства, от трудовых подвигов до социальных протестов.

Советское «естественное» государство, с точки зрения присущих людям интересов, «программ» и практик экономического поведения, отличалось рядом особенностей. Строительство социализма и коммунизма велось в русле определенных идеологических и политико-экономических догматов, часть из которых оказалась жизнеспособной и показала свою определенную эффективность в конкретно-исторических условиях, периодах и ситуациях: соревнование с капитализмом в русле советской модернизации, государственный дирижизм, мобилизационная экономика, бесплатное образование, здравоохранение. Часть оказалась иллюзорной и утопической: стремление к быстрой, в течение жизни одного-двух поколений, перековки человека, вытравливание из социальной ткани частно-собственнических инстинктов и других «пережитков капитализма» в сознании и поведении людей; не удалось в полной мере реализовать стремление к достижению высоких социальных стандартов жизни, избавиться от социального иждивенчества и экономической несвободы.

Стремление Советского государства к созданию высокоразвитой экономики, способной к экономическому соревнованию с капиталистической экономикой, требовало создания определенного типа работника. В условиях «холодной» войны, низкого правосознания основной массы населения, быстрых модернизационных преобразований, превращения аграрной страны в индустриальную, которые происходили в условиях централизации и государственного планирования, использовались мобилизационные механизмы, включающие широкий диапазон принудительных инструментов и мер.

Жизнь в условиях избыточного контроля со стороны государства требовала выработки адаптивных стратегий. Во-первых, это были нормативные, официально одобряемые модели экономического поведения, включающие в себя совокупность действий, обеспечивающих следование социалистическому принципу «от каждого по способностям – каждому по труду». Добросовестный труд, овладение профессиональными навыками и компетенциями, творческое отношение к своим обязанностям (изобретательство и радио-

нализаторство), социалистическое соревнование, призванное увеличивать производительность общественного труда – составляющие «идеальной» нормативной советской модели. Наряду с ней существовала «реальная» модель поведения «среднего» человека, который стремился соблюсти баланс между завышенными требованиями, предъявляемыми ему со стороны политической и экономической властей, и реальностями своей экономической деятельности с учетом личных интересов и потребностей. Одни выбирали нормативные, достижительные стратегии (работали лучше и больше остальных, повышали уровень образования и т. п.), других устраивала «золотая середина», третьи балансировали на грани нарушения трудовой дисциплины и этики (прогулы, опоздания, брак, пьянство на работе и т. п.) Во-вторых, для части населения всегда привлекательными были не одобряемые властями или даже находящиеся в зоне правовой ответственности модели поведения. Среди них можно выделить коррупционные модели и предпринимательские стратегии, позволявшие купировать существовавшие изъяны государственной экономики и призванные реализовывать не только свои частные потребности, но и не полностью удовлетворяемый государством спрос на товары и услуги со стороны населения.

В послевоенные годы экономические представления уральского населения определялись, с одной стороны, официальными установками о преимуществах социалистического строя, позволившего одержать победу в Великой Отечественной войне, с другой – реалиями жизни недавнего тылового региона, «опорного края державы». Один из ведущих векторов послевоенной жизни задавался стремлением власти и народа преодолеть депривационные факторы и выйти на траекторию дальнейшего развития социума в русле социалистической парадигмы, которая, по сути, означала осуществление модернизационных преобразований и создание советского варианта индустриального общества. В государственной стратегии Уралу отводилось место региона, способного в кратчайшие исторические сроки стать ракетно-ядерной «кузницей» державы. Высокопрофессиональный потенциал (в годы войны на Урале трудилось 20 % всех квалифицированных промышленных кадров СССР), наличие природных богатств и ресурсов позволили региону стать «точкой роста» модернизационных технологий (создание «атомного щита», история уральских ЗАТО).

Модели взаимодействия власти и населения после окончания Великой Отечественной войны

на Урале были производными от мобилизационной системы, по правилам которой жила тогда вся советская страна. Приоритетным для экономической политики государства оставалось развитие тяжелой индустрии, в ущерб легкой промышленности и сельскому хозяйству. В структуре народно-хозяйственного комплекса страны уральский регион специализировался на выпуске продукции тяжелого машиностроения. В 1946 г. были предприняты усилия по закреплению работников на их местах, ужесточен контроль за их переходом с предприятия на предприятие. В условиях огромных демографических потерь, связанных с войной, прирост новых контингентов рабочей силы осуществлялся за счет сельских жителей, молодежи, вследствие чего возникали проблемы управления на производстве, связанные с недостаточной квалификацией и трудовой дисциплиной. Так, в ходе проверки организации труда на Магнитогорском металлургическом комбинате в июле 1946 г. во время ночной смены было обнаружено 69 спящих работников¹. На совещании работников трудовых резервов Молотовской области в 1947 г. отмечалось, что для учащихся ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения «ребята, которые бегают из школы по 5–6 раз, являются героями и окружены ореолом славы, и никто не старается развенчать этих героев. В результате ребята приходят на производство и в первое же время уезжают к маме в деревню»² (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация. – А.Т.).

В рамках присущей мобилизационной системе «командной» экономики основная масса населения Урала продолжала жить в условиях бедности, удовлетворение потребностей людей зависело от ограниченных ресурсов и прагматического признания государством разной степени полезности труда различных категорий населения. Экономические представления о социальных проблемах в общественном сознании существовали в плоскости «отдельных трудностей», обсуждение эволюции, динамики их развития, способов разрешения велось в контексте критики западного образа жизни, капитализма. В общественном дискурсе наиболее часто использовались такие понятия, как «забота», «организация работы», «опыт работы» (с правонарушителями, сиротами, женщинами, инвалидами), «государственный контроль», «народный контроль» [5. С. 11]. Практическая деятельность партийных и советских органов и «общественности» располагалась между полю-

сами «заботы» и «контроля», что в значительной мере определяло тематику, содержание, стилистику обращений граждан в органы власти.

С точки зрения осмысления пределов, возможностей и результатов советской модели мобилизационного типа развития и «командной экономики», сегодня очевидно, что мобилизационные стратегии имели тогда определенный потенциал роста эффективности и производительности труда, однако в исторической перспективе не содержали в себе потенциала саморазвития. Одобряемые властью аскетические, эгалитарные модели поведения все чаще в глазах граждан (по мере нарастания исторической дистанции от военного лихолетья) вступали в противоречие с эмпирическим опытом, свидетельствующим о наличии значительной социально-экономической дифференциации.

Модели поведения населения определялись также региональной уральской идентичностью, ценностно-поведенческим комплексом, определявшим установки и поведение значительной части уральского населения. К середине XX в. «уральский характер» включал в себя генетические и культурно-исторические черты и особенности, закрепленные поколениями людей, живших в условиях специфической среды. К ним относятся: спокойствие и долготерпение в отношении тягот жизни; сдержанность, доходящая до суровости; выносливость; взаимовыручка и взаимопомощь, «чувство локтя» и коллективизм; трудолюбие; «нестяжательство»; приверженность традициям, консервативность взглядов; смелость, решительность, способность к самостоятельным решениям; свободолюбие; готовность к трудовому подвигу; патриотизм, «оборонное сознание»; осмысление благополучия своей судьбы только в контексте благополучия Родины и так далее [3]. Уральцами в середине XX в. были потомки рабочих и мастеров, в том числе многочисленные трудовые династии, корнями уходившие во времена промышленного освоения Урала в XVIII–XIX вв., и те, кто начал свои трудовые биографии в годы индустриализации 1930-х гг., а также был эвакуирован вместе с сотнями промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны и остался на Урале после ее окончания. В уральском регионе была сконцентрирована существенная часть ГУЛАГа, а лагеря Западного и Среднего Урала служили не только формой наказания, но и формировали определенный образ жизни, оказавший существенное влияние на социальные практики. К 1950-м гг. на Урале сосуществовали различные профессиональные

¹ Магнитогорский металл. 1946. 27 июля.

² ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 13. Д. 181. Л. 26-27.

дискурсы и модели поведения, включавшие как добросовестное отношение к труду и стремление к повышению производственной культуры, так и антисоциальные практики, встречавшие противодействие (в том числе) в виде экономических санкций.

Укрепление и развитие уральского оборонно-промышленного комплекса оказывало непосредственное влияние на жизнь значительной части населения уральских городов. Овладение современными производственными технологиями, высокая степень ответственности, дисциплина труда достигались не только жесткими формами контроля, но и стимулировались высокими зарплатами и социальными льготами, что особенно ярко проявлялось в уральских закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО). Создание «ракетно-ядерного щита» происходило с использованием широкого инструментария, включающего создание необходимых материальных и моральных стимулов для одних групп населения (достаточно комфортные для послевоенного времени условия жизни для специалистов и членов их семей, осознание высокой значимости для всей страны своего труда), и, одновременно, тяжелые условия, в которых находился спецконтингент (заключенные), участвующий в строительстве атомных объектов.

Для сельского населения Урала преобладающей стратегией в послевоенные годы оставалось выживание. В одном из типичных для того времени обращений в Совет по делам колхозов при правительстве страны инвалид Великой Отечественной войны Е. Н. Пономарев из Артинского района Свердловской области писал в декабре 1946 г.: «Хлеба хватает кое-как рассчитаться с государством. И засыпать семена, очень малая доля придется колхознику. А в некоторых колхозах есть возможность получить и больше, например по 1 или 2 кг на трудодень. Они бы с удовольствием сдали сверх плана государству, но будут недостатки хлеба, значит не каждый же сознает положение, значит, он будет халатно относиться к колхозной работе, поздно выходить, раньше времени уходить с работы. И больше будет уделять время своему подсобному хозяйству, так как он знает, что с него он получит для себя. Это видно и из того, что например сеноуборочную косят для колхоза, участвуют все, как колхозники так и машины и тягловая сила. Косят как будто всеми силами. Накосят. После чего представляется возможность косить колхозникам. И за короткий период можно видеть выкошено больше, чем за тот же период косили для колхоза. Да взять любую

кампанию. Народ прекрасно видит, что делают руководители, но не знают выхода из этого положения. Не то что не знают, а не могут. А эти горе руководители это видят и используют в своих целях, то есть стараются только быстрее выполнять задание, хорошо отчитаться, чтобы получить более авторитета и доверия у районных и партийных организаций»¹. В такой ситуации часть сельских жителей использовала вербовочные кампании для ухода на промышленные предприятия, а колхозная молодежь стремилась попасть в школы системы трудовых резервов.

Экономическое сознание и модели поведения определялись не столько официальными пропагандистскими стереотипами, сколько послевоенными реалиями жизни, включавшими жесткие механизмы контроля государства над сферой частной жизни (коммуналки и комнатный принцип расселения, запрет абортов, нелегитимность фактических браков и так далее), что порождало необходимость поиска стратегий повседневного выживания [4. С. 16]. Так, после повышения пайковых цен на продукты в 1946 г. произошло значительно снижение спроса в рабочих столовых на обеды, особенно мясные блюда. Приведем высказывания работников промышленных предприятий г. Лысьва Молотовской области: «Русский народ привык терпеть. В войну разорили Белоруссию, Украину и другие области. Нужно напрячь все силы, помочь им, чтобы потом всем нам жилось лучше», «Мы переживаем трудности с 1918 г., нам не привыкать. Но нужно усилить рабочий контроль в столовых и магазинах, вылавливать, выкорчевывать и карать воров и жуликов, обогащающихся за счет рабочих-тружеников», «Разъясните, как быть с моей семьей. Я зарабатываю 300 р. Отец имеет оклад 250 р. А семья в количестве 10 человек: мать больная, бабушка-старуха, и шесть малышей. Хлеба всегда не хватало. Жили мы за счет продажи продовольственных карточек. Теперь никто не купит, денег не хватает даже выкупить паек»². Значительная часть уральских жителей продолжала жить в условиях выживания, бедности и нищеты, обращалась к властям с просьбами о помощи, проявляя готовность к труду на благо страны. Обращения граждан в различные властные инстанции касались трудоустройства демобилизованных военных, положения инвалидов войны, многодетных семей, женщин-матерей и детей, пенсионеров, выплат пособий, пенсий, оплаты труда и так далее.

¹ ГАСО. Ф Р-88. Оп.1. Д. 5539. Л.96-97.

² ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 424. Л. 149-152

После войны продолжала оставаться острой проблема продовольственного обеспечения, регулярно возникали перебои в торговле хлебом, крупами, молочными продуктами, мясом и овощами. Нередко отсутствовали в продаже спички, соль, керосин, что вызывало обоснованное недовольство, снижало экономическую активность людей, настроенных в целом позитивно и готовых побыстрее ликвидировать последствия войны. Летом 1947 г. жители г. Каменск-Уральского так оценивали существующие реалии: «Нас призывают все больше и больше повышать производительность труда и улучшать качество выпускаемой продукции. С этим я целиком согласен, но почему бы не рассказать нам, как же будет обстоять в дальнейшем с продовольственным снабжением. Это очень волнует каждого из нас. Скажу о себе. Если я буду кушать вдоволь хлеба и других продуктов, обо мне не беспокоиться, я стану работать за двоих. Надеюсь, что так поступят и многие другие»; «Каждый раз, когда я прихожу в столовую, мне невольно вспоминается осень, когда десятки тонн картофеля и овощей без присмотра валялись на полях и овощехранилищах, портились и замерзали, а вот сейчас работники ОРСа, которые были ответственны за уборку урожая, пытаются убеждать нас, что плохое питание в столовых – результат недостатка овощей»; «Временные трудности с продовольствием в нашей стране нам хорошо понятны, но когда к этим трудностям прибавляется еще бездушное отношение торгующих работников в обслуживании повседневных нужд покупателей – с этим нельзя согласиться. Разве не является безобразным такой факт, когда в продуктовом магазине рабочий вынужден стоять по 3–4 часа в очереди, чтобы выкупить по карточке хлеб. И это наблюдается почти постоянно, но почему-то на эти случаи никто не реагирует. У некоторых торговых работников существует мнение, что не они для покупателей, а покупатели для них»¹.

Одной из социальных практик становилось стремление использовать существующие трудности и организовать нелегальные каналы снабжения населения продовольствием и промышленными товарами. Власть вела борьбу с этими проявлениями, стремясь покончить со спекуляцией, которая, по сути, являлась инструментом для экономически активных граждан расширить диапазон официально разрешенных стратегий поведения в интересах людей (и за их счет). В записке Свердловской областной прокуратуры в январе 1950 г. об оправдательных приговорах, выне-

сенных народными судами, подчеркивалось, что «основными причинами послужившими к применению в отношении осужденных мер наказания не связанных с лишением свободы, является: преклонный возраст, наличие инвалидности 1–3 группы, наличие несовершеннолетних детей, незначительный размер скупки и перепродажи и отсутствие систематических спекуляций. [...] Народным судом 1 уч. г. Полевской от 20.09.49 г. гр. Колмышев, обвиняемый в скупке и перепродаже подсолнечного семя, камешков для зажигалок и карандашей, осужден к условной мере наказания, так как Колмышов является инвалидом 2 группы. [...] Гр. Воробьева за скупку и перепродажу клюквы, которую покупала по 70 коп. стакан, а продавала 1-50-2 р. Яйца покупала по 10 р., продавала по 20 р. десяток. Нарсудом 2 уч. г. Ирбита от 15.10.49 г. осуждена с применением ст. 51 УК к 1 году ИТР с удержанием из зарплаты 25 %, так как у нее на иждивении находится 5 чел. Детей в возрасте от 6 лет и выше, родной отец которых умер от туберкулеза в 1947 г., а сама она имеет беременность 8-ми месяцев»².

В послевоенные годы размер заработной платы имел важное, но не определяющее значение. Продовольственный и промтоварный дефицит лишал обеспеченного человека возможности легального приобретения необходимых товаров. Присвоение казенной собственности обеспечивало чаще всего простые повседневные бытовые нужды, а не престижное потребление. Среди должностных преступлений послевоенного времени на первое место вышло так называемое самоснабжение – использование различными руководящими работниками материальных фондов предприятий и учреждений в личных целях [6. С. 107, 114]. Наряду с прямым экономическим ущербом эти коррупционные действия негативно отражались на морально-психологическом климате в трудовых коллективах, способствовали развитию иждивенческих настроений, отрицательно сказывались на выполнении государственных плановых заданий.

Магистральным процессом, происходившим в 1950–1960-е гг., можно считать советскую модернизацию, во всей масштабности целей, противоречивости механизмов, неоднозначности результатов. Обратим внимание на некоторые аспекты сопряженности модернизационных процессов в уральском регионе с экономическими стратегиями, моделями поведения населения, которые являясь следствием и проявлением модернизации, отражали региональную специфику.

¹ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 157. Л. 15-20

² ГАСО. Ф. Р-2259. Оп.1. Д.272. Л.122-126

На экономические представления уральского населения в 1950–1960-е гг. существенное влияние оказывал ряд факторов. Во-первых, официальные концепты достижения «полной и окончательной победы социализма» (XXI съезд КПСС, январь 1959 г.) и «перехода к развернутому строительству коммунизма» (XXII съезд КПСС, октябрь 1961 г.). Во-вторых, жизненные реалии, свидетельствующие о постепенном улучшении социально-экономических параметров и индикаторов. В-третьих, снижение значения депривационных факторов военного и послевоенного времени, появление новых потребностей и повышение требований населения (прежде всего городского) к качественным стандартам жизни (пища, одежда, жилье и т. п.).

Идея построения коммунистического общества, являвшаяся стержневой политико-идеологической доминантой в хрущевских преобразованиях, подразумевала и преобразование экономики, социальной сферы, как важнейших факторов формирования нового человека. Смена парадигм повседневной жизни была связана с десталинизацией, демократизацией, развитием научно-технического прогресса, смягчением международных отношений. Эти трансформации вызывали отклик жителей Урала, выступавших с различными предложениями в адрес высших государственных руководителей: о режиме экономии ресурсов, сокращении управленческого аппарата, благоустройстве городов и так далее. Коллективы предприятий брали обязательства в рамках социалистического соревнования и движения за коммунистическое отношение к труду, выступали за повышение культуры производства, улучшение условий труда.

Новая экономическая ситуация требовала расширения ассортимента продукции для потребителей, большей свободы предприятий и большей производительности труда от рабочих. Прибыль стала одним из главных критериев эффективности выполнения плана и экономической поддержки рабочих, так как позволяла повышать оплату труда. Существенный рост объема выпуска потребительских товаров, либерализация сельского хозяйства были результатом политики, которая ориентировалась на продвижение более сбалансированных форм экономического развития, частичного демонтажа мобилизационной системы, ослабление контроля над экономической и социальной жизнью. Частные интересы были легитимированы, что позволило говорить об их сочетании с общественными, вместо жесткого подчинения.

В послесталинские годы на региональном уровне происходит трансформация административно-директивной экономики в экономику согласования, в которой отношения между субъектами управления представляли собой не только отношения подчиненности, но и отношения обмена, предполагавшие действие принципа обратной связи. Смена моделей поведения управленческого корпуса в годы «хрущевских» реформ происходит в контексте научно-технического прогресса и региональных особенностей управленческих реорганизаций середины 1950–1960-х гг.

Коррективы в экономической политике государства способствовали постепенному сокращению доли принудительного труда и росту образовательного и квалификационного уровня рабочих, повышению их общественного статуса, изменению внешнего облика. Шахтер с двадцатипятилетним подземным стажем Г. Е. Осетров вспоминал: «Жизнь налаживалась. Сам по себе изменился шахтер. Если раньше на разрядке утром все сидели грязные, курили, матерились, ведь начальство- то тоже было малограмотным и малокультурным, то в 1950-е гг. изменилось к этому отношение. Шахтеры стали ходить на разряд в чистом, курить там перестали. Всем своим видом они теперь показывали достоинство рабочего человека» [1. С. 83]. Отказ от использования системы принудительного труда, произошедший в середине 1950-х гг., расширил пространство выбора, обострил проблему привлечения рабочих рук, заметной стала текучесть кадров. Так, на предприятиях электротехнической и приборостроительной промышленности Совнархоза Южно-Уральского экономического района за 1962 г. текучесть кадров составила около 25 % по всем работающим. Причинами текучести кадров назывались: 1) необеспеченность жильем; 2) неудовлетворенность зарплатой; 3) неудовлетворенность условиями труда; 4) невозможность устройства детей в детских учреждениях¹.

Воздействие на модели поведения уральского населения в середине XX в. оказывал и демографический фактор: в Уральском регионе в это время обеспечивалось лишь простое воспроизводство рабочей силы. Со второй половины 1950-х гг. демографическое развитие края вступило в третью фазу демографического перехода, сопровождаемую ослаблением миграции из села в город, снижением темпов урбанизации, повышением интенсивности возвратных перемещений по мере усложнения пространственной структуры общества. С конца 1950-х гг. Урал утратил лиди-

¹ ГАЧО. Ф.1613. Оп.4. Д. 5. Л. 23, 24

рующее положение по темпам прироста населения. В это время были отменены законы, запрещавшие репрессированным народам выезжать за пределы территории вынужденного переселения, сняты ограничения на выезд из сельской местности, что усилило миграционные процессы в регионе, сопровождавшиеся оттоком людей, стремившихся найти лучшие условия жизни.

Представления о справедливости в оплате труда зафиксированы в письмах, отправленных из уральского региона в газету «Правда» в 1954 г.: «Следует задуматься над тем, правильно ли положение, когда существует огромная разница между зарплатой большого количества малоквалифицированных рабочих и непомерно раздутой, роскошной зарплатой научных работников, военных и «высших» работников промышленности и административного аппарата. Для нашей системы амплитуда от 210 р. в месяц до 18–20 тысяч (не говоря уже о более высоких суммах) – недопустима. Не будет преувеличением сказать, что это отклонение от ленинских принципов, изложенных им в ряде работ»; «В настоящее время существует большая разница в оплате работников умственного труда высших квалификаций и работников физического малоквалифицированного труда. [...] Одна часть членов советского социалистического общества, строящего коммунизм, причем часть, занятая трудом, не производящим непосредственно материальной продукции, хотя и очень важным и полезным, и ценным, обеспечена в 72, в 48 раз лучше другой его части. Причем, к этой другой части относятся очень большие контингенты населения. [...] Конечно, нельзя говорить о мелкобуржуазной уравниловке, забывать формулу от каждого по способностям, каждому – по количеству и качеству его труда, но нужно, чтобы разница в зарплате колебалась, примерно в пределах 1:5, 1:4. [...] Несмотря на политику систематического снижения цен на товары широкого потребления, жизнь для большей части населения еще нелегка. Прожиточный минимум семьи с доходом в 200–300 р. – очень низок. Такой семье нет возможности покупать детям молоко, сливочное масло, яблоки. Такая семья ходит в обносках. Ей недоступно приобретение валенок, зимнего пальто и уж, конечно, посещение кино, театра. [...] Такая семья питается черным хлебом и картошкой, покупает сахар в количестве, далеко не соответствующем нормальным потребностям. А нужно еще приобретать дрова, покупать книги, учебники, тетради для детей, учащих в школе.

В то же время, другие семьи ходят в дорогих меховых дохах, в каракулевых и котиковых са-

ках, носят шелк, атлас, панбархат, коверкот, бостон, швыряют деньги на кутежи в шикарных ресторанах, приобретают автомобили, мотоциклы, радиолы, содержат домработниц, абонируют постоянно лучшие места в театрах.

И вот нарождается определенный антагонизм, правда, не социального порядка, но все-же антагонизм; такие семьи друг к другу в гости не ходят и если вступают в контакт, то он сводится к тому, что женщины из плохо обеспеченных семей нанимаются к зажиточным семьям мыть полы, стирать белье, пилить дрова, то есть, иными словами – это контакт “черной и белой кости”» [8. С. 206, 207].

Происходившее в середине 1950-х гг. упорядочение заработной платы способствовало повышению реальных доходов рабочих и служащих, однако рост цен в 1958–1962 гг. в значительной мере снижал положительный эффект, особенно для низкооплачиваемых категорий работников. В результате тарифной реформы 1956 г. не произошло существенного улучшения материального стимулирования рабочих за качественные показатели, новая система оплаты труда в промышленности не сумела обеспечить глубокой взаимосвязи с хозяйственными принципами работы предприятий, поскольку акцент был сделан на премирование за коллективные результаты труда без соответствующего усиления личной материальной ответственности непосредственных работников.

При всей противоречивости аграрной политики Н. С. Хрущева, проводившейся в 1953–1958 гг., она открывала перед советским сельским хозяйством новые возможности, вселяла в массы крестьянства надежды на лучшее будущее деревни. Однако позитивный потенциал административных реформ Хрущева в области сельского хозяйства был к концу этого периода исчерпан, а последующие реорганизации и новации оказывались неэффективными и ошибочными, способствовали ухудшению продовольственного положения, следствием чего стало повышение в 1962 г. розничных цен на важнейшие продукты питания (мясо, масло и др.) В такой ситуации люди стремились найти источники самоснабжения, используя не растроченные крестьянские трудовые навыки, обращались к представителям власти с многочисленными острыми вопросами.

Одним из следствий трансформации мобилизационной экономики явилось движение в сторону создания советского варианта «потребительского общества», при этом ориентация на консьюмеризм в западном понимании в тот период в СССР была невозможна по экономическим и идеологическим причинам. Тем не менее, в «хрущев-

ское десятилетие» уделялось серьезное внимание увеличению производства товаров народного потребления и, в частности, предметов длительного пользования. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. наряду с ростом жизненного уровня, количества и ассортимента потребительских товаров возникла проблема их реализации, так как у населения появился определенный выбор. В то же время ощущался дефицит целого ряда товаров.

Существовавшие в советской экономической модели дефекты и изъяны, сказывавшиеся на уровне и качестве жизни населения, находили проявления в неформальных социальных практиках, «теневой экономике» (незарегистрированная хозяйственная деятельность с использованием государственных производственных ресурсов, технологические, финансовые, экологические нарушения официальных норм в целях личного и группового обогащения, взяточничество, искажения отчетной информации в интересах предприятий и ведомств), «криминальной экономике» (спекуляция, ростовщичество, торговля краденным и т. п.). В условиях увеличения уровня доходов и неспособности перегруженной военными производствами уральской промышленности в полной мере обеспечить потребности людей в товарах народного потребления происходил резкий рост спроса на спекулятивные товары, что послужило импульсом для организации в 1940–1960-е гг. подпольными предпринимателями («цеховиками») нелегальных производств с использованием государственного имущества. Отвергаемые большей частью населения социальные практики, ведущие к личному обогащению, вступали в «конкуренцию» с ценностными основаниями равенства, уравнительности, стоицизма.

Первоначально провозглашенная в 1950-е гг. политическая линия на личную заинтересованность способствовала несанкционированному проявлению экономической инициативы. Затем, по мере выдвижения в качестве перспективной, но казавшейся реальной задачи – построения коммунизма – все так называемые «пережитки капитализма», в том числе личная предприимчивость, стремление к наживе, наравне с воровством и хищениями социалистической собственности стали рассматриваться как нетерпимые явления, с которыми надо вести решительную борьбу. В начале 1960-х гг. был предпринят ряд шагов по ужесточению наказаний за экономические преступления, поскольку уже в 1950–1960-е гг. в орбите «теневой экономики» находилась заметная часть работников сферы распределения, преобладающей формой организации «теневиков»

были мелкие и крупные группы, происходило их сращивание с партийными, государственными, хозяйственными структурами. Не случайно в 1962 г. Президиум Верховного совета СССР принял Указ «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество». В случаях получения взятки должностным лицом, занимавшим ответственное положение или ранее судимым за взяточничество, или получавшим взятки неоднократно, либо путем вымогательства, виновные могли быть осуждены к лишению свободы на срок до 15 лет с конфискацией имущества и последующей ссылкой, а при особо отягчающих обстоятельствах – к смертной казни – расстрелу.

Одним из направлений государственной социальной политики во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. стала реализации идеи изменения баланса рабочего и свободного времени, введения «самого короткого в мире рабочего дня», при этом количество свободного времени населения должно было увеличиться на 200 часов в год. Тем не менее нехватку свободного времени продолжало отмечать большинство взрослого населения, недостаточно развитой оставались транспортная инфраструктура, коммунально-бытовая и жилищная сфера, на производстве широко использовались сверхурочные работы.

Постепенное развитие сети предприятий бытового обслуживания высвобождало лишь небольшую часть времени, необходимого для удовлетворения хозяйственно-бытовых нужд. Одним из источников сокращения времени на домашнюю работу было использование в хозяйстве бытовой техники. В середине 1950-х гг. спрос на нее удовлетворялся лишь на 40–50 % [2. С. 42], при этом в 1960 г. в семьях машиностроителей Урала, то есть высокооплачиваемой категории работников, стиральные машины имелись в каждой четвертой, телевизоры — в каждой третьей семье. Почти 60 % семей пользовались радиоприемниками, швейными машинами¹. Для большинства уральских семей, в начале 1960-х гг. менялись представления о стандартах потребления, стимулировались достигательные социальные практики.

Ощутимые результаты процесса модернизации на Урале (от создания ракетно-ядерного «щита» до появления в жизни людей отдельных квартир и бытовой техники), способствовали как росту социального оптимизма (вера в возможность построения коммунизма за два десятилетия), так и поставили вопросы о гибкости и возможностях модификации и трансформации советской экономической модели, способствовали

¹ Уральский рабочий. 1960 г. 28 мая.

участию людей в начавшейся в середине 1960-х гг. экономической реформе. Изменения экономических представлений уральского населения в целом происходили в границах официального социально-экономического дискурса, а экономические модели поведения наряду с нормативными включали не одобряемые властями и находящиеся в «серой» зоне или подпадающие под статьи уголовного кодекса социальные практики, что свидетельствовало о сложном и неоднородном восприятии людьми экономических реалий советского социализма.

Список литературы

1. Баканов, С. А. Депрессивные города Урала в 1960–80-е гг.: анализ социально-экономических и демографических факторов / С. А. Баканов. – Челябинск, 2005. – 191 с.
2. Балакин, В. С. Свободное время населения Урала в 1955–1965 гг.: новые источники и подходы / В. С. Балакин, О. В. Ралкова // Вестн. Юж.-Ураль. гос. ун-та. – 2012. – № 4. – Социально-гуманитарные науки. Вып. 18. – С. 40–45.
3. Казакова, Г. М. Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения / Г. М. Казакова. – СПб., 2007. – 254 с.
4. Лебина, Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля. Ленинград 1950–1960-е годы / Н. Б. Лебина. – СПб., 2015. – 484 с.
5. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. – М., 2008. – 376 с.
6. Сушков, А. В. «Зальцману законы не писаны, у Зальцмана свои законы». Коррупция на Челябинском Кировском заводе во второй половине 1940-х годов / А. В. Сушков, Н. А. Михалев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – История. Вып. 61. – С. 107–116.
7. Экономика России. Оксфордский сборник. – М., 2015. – Кн. 1. – 776 с.
8. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.) / отв. ред. А. В. Трофимов. – Екатеринбург, 2015. – 355 с.

Информация об авторе

Трофимов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург.
2519612@rambler.ru

THE ECONOMIC STRATEGIES OF THE POPULATION IN THE URAL (FROM MID-1940s TO MID-1960s)

A. V. Trofimov

Ural Federal economic University. 2519612@rambler.ru

The article examines models of economic behavior, the vectors and dynamic of changes in the economic strategies of the population in the Ural from the mid-1940s to the mid-1960s. Various economic strategies are identified in historiography: from the struggle for survival to private enterprise, from labor achievements to social protests. The article considers adaptive economic practices (regulatory, business, corruption) in terms of the modernization process and the transformation of the mobilization system. Survival models were decisive for the majority of the population until the early 1950s. In the 1950s-1960s tangible results of the modernization process in the Ural contributed to the growth of social optimism and put questions of the necessity to transform the Soviet economic model. The changes in the economic conceptualization of the population in the Ural were within the boundaries of the official socio-economic discourse. Economic behavior, along with the regulations, included deviant social practices indicating complex and heterogeneous people's perceptions of the Soviet socialism economic realities.

Keywords: *economic strategies, behaviours of the population, the Ural.*

References

1. Bakanov S.A. *Depressivnye goroda Urala v 1960–80-e gg.: analiz social'no-jekonomicheskikh i demograficheskikh faktorov* [Depressed cities of the Urals in the 1960–80-ies: analysis of the socio-economic and demographic factors]. Chelyabinsk, 2005. 191 p. (In Russ.).
2. Balakin V.S., Ralkova O.V. Svobodnoe vremja naselenija Urala v 1955–1965 gg.: novye istochniki I podhody [Free time of the population of the Urals, in: new sources and approaches]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of South Ural State University], 2012, iss. 18/4, pp. 40–45. (In Russ.).
3. Kazakova G.M. *Kul'tura Juzhnogo Urala: lokal'nyj variant regional'nogo izmerenija* [Culture of the southern Urals: a local version of the regional dimension]. St. Petersburg, 2007. 254 p. (In Russ.).
4. Lebina N.B. *Povsednevnost' jepohi kosmosa i kukuruzy: destrukcija bol'shogo stilja* [The everyday era of the cosmos and corn: destruction of the Grand style. Leningrad 1950–1960-ies]. St. Petersburg, 2015. 484 p. (In Russ.).
5. *Sovetskaja social'naja politika: sceny i dejstvujushhie lica, 1940–1985* [Sovetskajasocialnyhnaja policy: sceny and dejstvujushhie face, 1940–1985]. Moscow, 2008. 376 p. (In Russ.).
6. Sushkov A.V., Mihaljov N.A. «Zal'manu zakony ne pisany, u Zal'mana svoi zakony». Korrupcija na Cheljabinskom Kirovskom zavode vo vtoroj polovine 1940-h godov [“Zalcmanuzakony not pisany, Zalcmana their zakony”. Korrupcija on Cheljabinskom Kirovskom seduction vo vtoroj half 1940-h godov]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of the Chelyabinsk state university. History], 2014, iss. 61, pp. 107–116. (In Russ.).
7. *Jekonomika Rossii. Oksfordskij sbornik* [The Economy Of Russia. The Oxford collection], vol. 1. Moscow, 2015. 776 p. (In Russ.).
8. Trofimov A.V. (ed.) *Jekonomicheskie predstavlenija i modeli povedenija ural'skogo naselenija (1917–1991 gg.)* [Economic beliefs and behaviours of the Ural population (1917–1991)]. Ekaterinburg, 2015. 355 p. (In Russ.).